

УДК 340.151

Жирыков К.А.¹

Зубцов Д.Д.²

**СКАНДИНАВСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВО ЭПОХИ ВИКИНГОВ: АНАЛИЗ И
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОПРОСА**

Тульский государственный университет
Мелитопольский государственный университет

Zhiryakov K.A.

Zubtsov D.D.

**SCANDINAVIAN SOCIETY AND LAW OF THE VIKING AGE: ANALYSIS AND
GENERAL CHARACTERIZATION OF THE ISSUE**

Tula State University
Melitopol State University

Аннотация. В настоящей статье авторами на основе историко-типологического, структурного и сравнительного-правового методов проведён общий анализ скандинавского общества «эпохи викингов», его элементов и институций, проведена стратификация и дана общая характеристика отдельным категориям населения Скандинавии. Выделены отличительные особенности скандинавского обычного права VIII-XI вв., изучен раннесредневековый скандинавский эпос с точки зрения наличия в нём упоминаний норм архаичного северогерманского права. Дано определение и общая характеристика изгнанию и объявлению «вне закона» как мерам наказания в скандинавском обычном праве, рассмотрен вопрос правового статуса женщины в скандинавском обществе.

Ключевые слова: Скандинавия, «эпоха викингов», цивилизационный подход, стратификация, обычное право, Салическая правда, Законы Гулатинга.

Abstract. In this article, the authors, based on historical-typological, structural and comparative legal methods, conducted a general analysis of the Scandinavian society of the «Viking Age», its elements and institutions, carried out stratification and gave a general description of certain categories of the population of Scandinavia. The distinctive features of the Scandinavian customary law of the VIII-XI centuries are highlighted, the early medieval Scandinavian epic is studied from the point of view of the presence in it of references to the norms of archaic North Germanic law. The definition and general characterization of banishment and outlawing as

¹ Жирыков Константин Александрович – ассистент кафедры истории ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет им. А.С. Макаренко».

² Зубцов Дмитрий Дмитриевич – студент Института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». Лаборант кафедры «История государства и права».

measures of punishment in Scandinavian customary law is given, the question of the legal status of women in Scandinavian society is considered.

Keywords: Scandinavia, Viking Age, civilization approach, stratification, customary law, Salic Law, Laws of Gulating.

Несомненно, история стран Скандинавии «эпохи викингов» представляет значительный интерес для исследователей. Скандинавы в Европе длительный период времени с IX по XI век оставались значимой силой, что подтверждается целым комплексом письменных источников (хроники, анналы, жития святых), либо посвященных скандинавам, либо же, где скандинавам уделяется значительное внимание.

Тема «эпохи викингов» оставалась значимой в европейском историописании и в последующие периоды, однако с XI по XIX век не являлась лидирующей. В XIX веке активно происходит процесс становления национальной историографии в рамках «национальных историй», особенно в Скандинавской исторической науке, что способствует возвращению значительного внимания к изучению «эпохе викингов». Формируются два основных подхода к её изучению: изучение «эпохи викингов», как общеевропейского процесса, характерное для скандинавской историографии и изучение «эпохи викингов» как одного из этапов национальной истории для конкретного европейского государства. Однако стоит отметить, что для обоих подходов характерной является концентрация внимания на военной экспансии скандинавов. Тем не менее, начинают появляться работы комплексного характера, имеющие целью изучить весь спектр сфер общественной жизни.

В XX веке на изучение «эпохи викингов» повлияло два события: завершение становления и начало широкого распространения плюрально-циклического (цивилизационного) подхода, а также дифференциация проблемного поля истории под влиянием третьей волны школы «Анналов». Именно в XX веке произошло провозглашение цивилизационного подхода и комплексного, мультидисциплинарного подхода к изучению «эпохи викингов». Данные позиции характерны для ряда исследований XX века, но наиболее четко они высказаны в работах 1962 года П. Сойера «Эпоха викингов» и 1992 года Р. Буайе «Викинги: История и цивилизация».

В своей работе П. Сойер утверждает: «Итак, основная сложность изысканий, связанных с викингами, заключается в том, что исторические источники, которые следует принимать во внимание, берут свое начало с очень обширной территории, чрезвычайно многообразны, а их интерпретация зачастую требует специальных исследований. Не вызывает возражений то, что никакое изучение этого периода не может претендовать на

объективность, если оно не опирается на все имеющиеся в наличии свидетельства, но куда меньше понимания обычно встречается мысль о невозможности изучения разнородных материалов в отрыве друг от друга» [1, с. 16]. В свою же очередь Р. Буайе отмечает: «Я хотел бы попытаться объективно, если это возможно, рассмотреть обе стороны предмета — историю и цивилизацию, необходимо уточнить: тесно связанные. Конечно же, не претендуя на то, чтобы исчерпать вопрос, пугающе обширный и комплексный, во многих отношениях требующий прояснений, внести которые может только сложное взаимодействие очень разных наук» [2, с. 6].

Несмотря на манифестацию необходимости комплексного междисциплинарного исследования, до сих пор исследователи-скандинависты в своих работах, как правило, концентрируются на узких, специальных моментах конкретной сферы человеческой деятельности, в лучшем случае вскользь упоминая о наличии других проблем. Однако мы можем выделить некоторых отечественных и зарубежных историков, предпринявших в своих монографиях попытку реализовать цивилизационный и междисциплинарный подход.

Это уже ранее упоминаемый Р. Буайе, а также Г.С. Лебедев, Н.В. Будур, И.Б. Губанов и Э. Рёсдаль. Помимо военной экспансии скандинавов они предприняли попытки исследовать скандинавское общество «эпохи викингов». В работах упомянутых авторов отмечается значимость исследования социальной структуры и внутренней архитектоники скандинавского общества. Исследователи справедливо отмечают, что скандинавское общество не состояло сплошь из воинов, пиратов и разбойников. Так, Э. Рёсдаль в работе «Мир викингов»³ указывает: «Вместе с тем, простые обитатели Скандинавии жили мирной, спокойной жизнью, и бурные события той эпохи их не касались. В большинстве своем они трудились, чтобы добыть пропитание себе и семье, и лишь время от времени до них доходили захватывающие истории о завоевании Парижа, о походах в Багдад или о кораблекрушениях в Северной Атлантике» [3].

Однако несмотря на небольшое количество работ, в которых исследуется собственно общество скандинавов «эпохи викингов», все исследования базируются на различной методологии, используют в качестве основной источниковой базы различные группы источников и приводят различные обобщающие выводы.

Целью статьи является анализ общества «эпохи викингов», общая его стратификация и выявление особенностей скандинавского обычного права как одного из значимых социальных институтов общества, позволяющих раскрыть его внутреннюю сущность.

---

³ Рёсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. — Санкт-Петербург: «Всемирное слово», 2001. — 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/235>.

И.Б. Губанов в монографии «Культура и общество скандинавов эпохи викингов»⁴ заостряет внимание на том, что правовые нормы скандинавов могут существенно детализировать картину изучения их социума и социальных отношений: «Представляется, однако, что продуктивнее всего выявить общую структуру древнескандинавского общества по родовым сагам, а там, где можно, детализировать эту динамичную картину отношений родовых коллективов более статичной картиной категорий родичей, прав на наследство и вергельд, которую рисуют архаичные статьи средневековых областных законов Скандинавии. В этом отношении предлагаемая модель может считаться в значительной степени новаторской» [4].

Однако прежде, чем перейти к анализу и стратификации скандинавского общества «эпохи викингов», необходимо четко пояснить, как интерпретируются авторами настоящей статьи понятия «Скандинавия» и «эпоха викингов».

Несмотря на значительное количество интерпретаций понятия «эпоха викингов» и споров относительно ее периодизации, в статье используется традиционная скандинавская интерпретация данной дефиниции, получившая широкое распространение в мировой историографии: ««Эпохой викингов» в скандинавских странах (Швеции, Норвегии, Дании) называют период, охватывающий IX - первую половину XI столетий. Время воинственных и дерзких дружин отважных морских воинов-викингов, первых скандинавских королей-конунгов, древнейших дошедших до нас эпических песен и сказаний, «эпоха викингов» открывает начало письменной истории этих стран и народов [5, с. 9].

Под Скандинавией традиционно понимают Скандинавский полуостров на севере Европы. Однако в работе под понятием «Скандинавия» авторы подразумевают территории проживания древних скандинавов с единым языком, сходством общественных отношений и главных элементов вещевой культуры, а именно территории раннесредневековых Дании, Швеции, Норвегии, Исландии, Гренландии и занятые скандинавами острова Балтики и Северного моря.

Проводя анализ исследований, посвященных или затрагивающих общество и социальную структуру скандинавов «эпохи викингов», в первую очередь, мы хотели бы отметить, что источниковой базой зачастую служат или же европейские хроники и анналы, либо же скандинавские источники более позднего периода. Эту ситуацию прокомментировал в работе «Древние германцы. Викинги» А.Я. Гуревич: «У скандинавов эпохи викингов письменность отсутствовала, они не оставили документов или хроник.

---

⁴ Губанов И. Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов / И. Б. Губанов — СПб.: Изд-во Санкт-петербургского ун-та, 2004. — 138 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/1320>.

Рассказы о древних исландцах и норвежцах – саги – были записаны много позднее, в XIII в.» [6, с. 83]. Таким образом, исследователи лишены самого главного – собственно восприятия своего общества самими скандинавами «эпохи викингов».

Отдельно стоит заметить, что зачастую на социальное устройство общества скандинавов проецируют общественную организацию древнегерманского общества. Нельзя утверждать, что это в корне неверно, так как датчане, шведы (свеи), норвежцы, юты и прочие скандинавские племена действительно относятся к германским племенам. Однако стоит отметить, что проецируемое на общество скандинавов IX-XI вв. структура и организация древнегерманского общества не совсем корректна. Устройство древнегерманского общества относится к началу первого тысячелетия, и с V века древнегерманское общество в синтезе с остатками римского населения и римских институций формирует абсолютно новое общество условно называемое «феодальным», которое начинает формироваться у скандинавов после окончания «эпохи викингов» в XII—XIII вв. Следовательно, общество и общественные отношения у скандинавских народов, даже если исходно и соответствовали древнегерманским, в период с V по IX век должны были продолжить самостоятельное развитие, и соответственно, во времена «эпохи викингов» обладать различиями с классическим древнегерманским обществом. Однако, как правило этот момент игнорируется большинством историков.

Во-вторых, проанализировав исследования, посвященные «эпохе викингов», можно сказать, что в основном исследуется и используется так называемая система вертикальных социальных связей.

Впервые вертикальная социальная стратификация древнегерманского общества и, в том числе, скандинавских племен упоминается в работе «Германцы» Тацитом. Как отмечает И.Б. Губанов⁵: «По Тациту, у свионов в I в. н. э., как и у остальных германцев, наличествовали следующие социальные страты – знатные (*nobiles*), свободнорожденные (*ingenui*), вольноотпущенники (*libertini*) и рабы (*servi*). Эта структура позднеродового общества, где все лично свободные члены племени, включая родовую знать, противопоставлялись несвободным (патриархальное рабство), благополучно доживает до эпохи викингов и начинает разрушаться лишь в XII столетии» [4].

Подтверждением сохранения описанной Тацитом трёхуровневой системы вертикальной социальной стратификации является «Песнь о Риге». Как отмечает Р. Буайе, именно в «Песне о Риге» описано возникновение и общая стратификация скандинавского

---

⁵ Губанов И. Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов / И. Б. Губанов — СПб.: Изд-во Санкт-петербургского ун-та, 2004. — 138 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/1320>.

общества: «Бога Рига, отправившегося в путешествие по миру, три вечера подряд принимают в трех разных домах. Каждый раз он проводит ночь с хозяйкой дома и тем самым зачинает Трэля (буквально «Раба»), потом Карла (Человека) и наконец Ярла. ... Так возникло три общественных слоя или класса: рабов, свободных людей и ярлов (или королей)» [2, с. 233].

Однако анализ исследований Р. Буае «Викинги: История и цивилизация»; Э Рёсдаль «Мир викингов. Викинги дома и за рубежом»; Г.С. Лебедев «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси» и Н.В. Будур «Повседневная жизнь викингов. IX–XI века»; А.А. Сванидзе «Викинги — люди саги: жизнь и нравы» позволяет нам расширить стратификацию скандинавского общества путем выделения новых социальных групп в трех ранее выделенных стратах.

Проводя стратификацию скандинавского общества «эпохи викингов», авторы настоящей статьи не претендуют на выделение уникальных, ранее неизвестных социальных групп. В статье предпринята попытка обобщения социальной стратификации скандинавского общества. Вопрос системы горизонтальных связей между группами различных социальных слоев, является слишком обширным и требует отдельного исследования для освещения вопроса.

Итак, неоднородность начинается еще в социальной среде зависимого населения. Так Р. Буае выделяет две группы рабов: предназначенных для продажи или же рабов-товар, и рабов-пленников, предназначенных для ведения хозяйственной деятельности, которые в последующем могли выкупиться или быть отпущенными: «... существовало два вида «рабов». Первые были товаром, подобно шкурам и мехам, и, насколько мне известно, не принимали участия в домашней жизни скандинавов; вторые, которые были пленниками (захваченными на войне или в рейдах), могли выкупить себя» [2, с. 236]. Так же к зависимому населению можно отнести специфическую группу отпущенников, которые формально являясь свободными людьми, тем не менее сохраняли определенные обязательства по отношению к освободившему их господину.

Основой скандинавского общества являлись карлы – свободные люди, нередко именуемые бондами. Стоит отметить, что, несомненно, всю совокупность свободных людей в скандинавском обществе правильнее именовать термином «карл» в соответствии с «Песней о Риге». Сам же слой карлов состоял из различных групп: лейсингов, хускарлов, ландбу, бондов, хевдингов и т.д. Однако, Н.В. Будур в своих работах отмечает: «Однако свободные люди также пользовались разными правами. Самыми уважаемыми среди них были бонды» [7, с. 51]. Постепенно эта категория уважительного обращения («бонд») 43

распространилась на наименование всей социальной группы свободных людей.

Стратифицировать свободных людей в скандинавском обществе можно по следующим группам:

К первой группе, можно отнести лейсингов, занимающих низший социальный статус среди свободных. Лейсинг являлся вторым статусом вольноотпущенника – они являлись свободными, но также не имели собственной земли или имущества. Лейсинги могли вернуться домой или же встроиться в общество викингов и изменить свою социальную группу, став домашним работником, хускарлом, или же ландбу – арендатором земли. Статусы вольноотпущенников и их права описывает Р. Буайе [2, с. 236]. Тем не менее, стоит отметить, что имея возможность стать ландбу, лейсинги не имели имущества или же чего-то, представляющего ценность для владельца земли, так что это была скорее формальная возможность.

Ко второй группе мы можем отнести ландбу – держателей земли (арендаторов). Наиболее полно как социальную группу их описывает А.А. Сванидзе [8, с. 495].

Третья группа – хускарлы, домашние работники, или же домочадцы, выполняли хозяйственную работу за плату. Позднее хускарлы (или же, в норвежской интерпретации, хирдманы), по аналогии стали ассоциироваться с дружинниками конунга, которые проживали на его подворье и получали плату за службу. Домочадцев подробно описывает Г.С. Лебедев [5, с. 165-166].

Четвертая группа – непосредственно бонды. Это свободные собственники земли, имевшие домочадцев. Однако внутри этой социальной группы можно выделить несколько подгрупп. Первая подгруппа, это собственно бонды – свободные люди, владевшие землей и имуществом. Вторая подгруппа – так называемые одальсбонды. Как отметил Р. Баайе, это бонды, владеющие землей по наследству в течении нескольких поколений [2, с. 238]. Третья подгруппа так называемые «могучие» бонды, являвшиеся крупными землевладельцами, способными выставить собственный воинский отряд, как отмечает Н.В. Будур говоря об этой подгруппе: «Так, в «Саге о Сверрире» рассказывается о двенадцати могучих бондах, которые выставили войско в сто человек» [7, с. 52].

Пятая группа - хёвдинги/херсиры/лендрманны по неписаной табели о рангах занимали третье место во власти после конунга и ярлов. Об их социальном статусе подробно пишет А.А. Сванидзе [8, с. 446]. Изначально хёвдинги или же херсиры – предводители херда, ополчения административно-территориальной единицы херда/хирда, подобное раннее административно-территориальное деление Скандинавии описывает Н.В. Будур [7, с. 48], в дальнейшем хёвденги/херсиры становятся лидерами отрядов из бондов,

отправляющимися в вик или же предводителями воинских отрядов живущих военным делом, а постепенно со временем и эволюцией общественных отношений переходят на службу к конунгам, тем самым превращаясь в лендрманнов - оземеленных конунгами. Этот процесс упоминает Д. Бойок [9]⁶.

Отдельное место в обществе викингов занимают годи – жрецы и смотрители местного капища, а также лагманы – толкователи закона на тингах.

В целом тигнарманы (знатные люди) делились на две крупные социальные группы:

Первая группа – конунги, военные вожди, высшие представители родоплеменной знати. В период Высокого средневековья часть этой группы трансформировались в королей. Как отмечает в своем исследовании И.Б. Губанов [4], именно с деятельностью конунгов связан процесс перехода потестарного общества к раннегосударственному в социуме викингов. В исследованиях А.Я. Гуревича отмечено: «при Харальде Прекрасноволосом началось объединение до того обособленных областей, фюльков (fylki, буквально «племя», «народ»). Завоевывая одну область за другой и добиваясь либо подчинения, либо изгнания местной знати, Харальд создавал свое королевство» [6, с.142].

Вторая группа знати – это ярлы. Первоначально представители родоплеменной знати, в последствии «малые» или же «морские» конунги, в процессе укрепления центральной власти, подчинившиеся конунгам.

На основе анализа общества викингов и обобщении его стратификации нами сделаны следующие выводы:

Во-первых, источниковая база исследования скандинавского общества представлена либо источниками не скандинавского происхождения, либо скандинавскими источниками более поздних периодов, что вносит определённые сложности в изучение скандинавского общества «эпохи викингов» и требует применения междисциплинарного подхода.

Во-вторых, в значительной степени историки при изучении скандинавского общества довольствуются трехступенчатой вертикальной стратификацией, предложенной еще Тацитом, вследствие чего общество скандинавов «эпохи викингов» интерпретируют как вариацию древнегерманского общества начала-середины I тысячелетия.

В-третьих, изучив скандинавское общество, можно утверждать, что к IX веку, сохранив трехступенчатую вертикальную стратификацию, оно значительно развилось, внутри каждой социальной страты возникли разнообразные социальные подгруппы, имеющие сложную систему не только вертикальных, но и горизонтальных социальных

---

⁶Бойок Д. Исландия эпохи викингов / Д. Бойок; Пер с англ. И. В. Свердлова — М.: Corpus, Астрель, 2012. —912 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/3624>.

отношений.

В-четвертых, сравнив скандинавское и германское общества IX века, можно утверждать, что процесс их развития разделился. Скандинавское общество является так называемой «чистой линией» древнегерманского общества, в то время как воздействие остатков римских социальных групп и институций привело к миксации позднеимперского и древнегерманского социумов и возникновению на их основе новой формы общественных отношений – часто называемых «феодализмом». В свою очередь, это подтверждает истинность концепции «Циркумбалтийской культуры (цивилизации)» Г.С. Лебедева.

В-пятых, изучение института правовых отношений внутри скандинавского общества позволяет более подробно изучить социальные отношения и системы вертикальных и горизонтальных связей внутри этого социума.

Говоря о скандинавском праве «эпохи викингов», нельзя не обратиться к упомянутым выше тезисам о том, что скандинавское общество в рассматриваемый исторический период находилось на этапе формирования государственности как таковой. Не случайно многие исследователи «эпохи викингов» считают временем зарождения скандинавского письменного права конец XIV – начало XV в. (Образование Кальмарской унии). Общие исторические черты современных правовых систем стран Скандинавии определились только в XVIII в. с принятием в 1734 г. Свода законов Шведского государства, в формальную юрисдикцию которого входили все страны скандинавского региона. Так, Л.П. Рассказов справедливо отмечает интересную особенность норвежского, датского и шведского права – законодательные системы этих государств имеют черты, схожие как с романо-германской, так и с англосаксонской правовыми семьями [10].

И факт смешения в странах Скандинавии черт двух совершенно полярных правовых семей не случаен – ещё на этапе формирования государства нормы скандинавского архаичного права отличались существенной обособленностью от таковых у других германских народов. Прежде всего, рассматривая скандинавское право «эпохи викингов», следует обратиться к римским письменным источникам, которые свидетельствуют о сущности норм германского обычного права. Например, римский юрист II в. Гай в своих «Институциях» разграничил римское кодифицированное право (*ius romanum*) и «право народов» (*ius gentium*), обозначив основой разграничения фактически степень теоретической разработанности правовых конструкций. Д.В. Дождев в комментарии к Институциям справедливо отмечает, что традиционно выражение *ius gentium* переводят как «право народов», хотя эта идиома означает дословно «право, существующее повсюду»: субъектом правотворчества и возникающего правопорядка как целого является *populus*

(народ), тогда как *gentes* (роды, племена) известны лишь в праве и обычаях международных отношений. Принципы *ius gentium*, по справедливому замечанию автора, для Гая тождественны велениям естественного разума (*ratio naturalis*) [11].

Представляется, что для римского правопонимания характерной особенностью было восприятие норм обычного варварского права как некоей «природной» конструкции, свойственной народам, живущим по естественному закону и велению «природного разума». Иными словами, такое восприятие латинами варварского права было одним из элементов общего и характерного для римских юристов шовинизма в праве и следствием имело разграничение ими римского права, по которому живут только граждане Рима и права народов, проистекавшего из естественного закона (*ius naturale*) [12].

Имея ввиду общие для скандинавских и прочих германских народов раннего средневековья закономерности исторического и социально-политического развития, исследование скандинавского права «эпохи викингов» следует начать с первого письменного памятника германского права – Салической правды (*Lex Salica*) как одного из наиболее полных и достоверных источников архаичного варварского права. Салическая правда является записью древних судебных обычаев салических франков, обосновавшихся на территории Римской Галлии и создавших в V—VI вв. самое крупное варварское королевство в Западной Европе. Н.П. Грацианский отмечает, что Салическая правда не является единственным сборником варварских законов и по времени записи их даже не самый древний, но своему характеру этот акт отличается наибольшей архаичностью содержащихся в нём норм [13].

Во-первых, можно отметить существенное влияние римского частного права на нормы, содержащиеся в Салической правде в тех её частях, которые касаются обязательств и их исполнения, порядке судоговорения, вызова на суд, истребования долга. Впервые в германском законодательстве в это же время появляется понятие кредитора, которое ранее имело место в римском праве и было отмечено в Законах 12-ти таблиц.

Во-вторых, существенной чертой Салической правды является установление штрафных санкций за противоправные деяния (кражи, убийства, похищения, поджоги, порча имущества и т.д.). При этом, уплата виры (денежный откуп) являлась для салических франков основной и господствующей формы наказания и юридического претерпевания. Аналогичные конструкции встречаются также в Русской правде XI в. Ряд филологов, в числе которых А.Л. Погодин, отождествляют понятие виры с германским «вергельдом» (денежная плата за убийство), установленным в том числе и Салической правдой [14].

Предположим, что рецепция норм римского частного права является вполне

логичным и исторически обоснованным явлением для салических франков, в течение нескольких столетий, находившихся на периферии Римского государства. Между тем, факт наличия тождественных друг другу норм в Салической правде и Русской правде позволяет, на наш взгляд, утверждать, что установление денежного откупа за правонарушение (вергельд) было характерным и для обычного права народов, населявших Скандинавию.

Известно, что восточнославянские племена имели тесные торговые и культурные связи с малочисленной группой народов, населявших скандинавский полуостров, и были подвержены серьёзному, в том числе, и правовому влиянию викингов. Этот тезис подтверждается как письменными источниками, среди которых «Повесть временных лет» и «Сага об Инглингах», так и археологическими источниками. Так, в «Саге об Инглингах» упомянут бассейн реки Дон, что свидетельствует о том, что скандинавам были знакомы территории среднерусской возвышенности и к югу от неё: «К северу от Черного моря расположена Великая, или Холодная Швеция. Некоторые считают, что Великая Швеция не меньше Великой Страны Сарацин, а некоторые равняют ее с Великой Страной Черных Людей. Северная часть Швеции пустынна из-за мороза и холода, как южная часть Страны Черных Людей пустынна из-за солнечного зноя. В Швеции много больших областей. Там много также разных народов и языков. Там есть великаны и карлики, и черные люди, и много разных удивительных народов. Там есть также огромные звери и драконы. С севера с гор, что за пределами заселенных мест, течет по Швеции река, правильное название которой Танаис. Она называлась раньше Танаквисль, или Ванаквисль⁷. Она впадает в Черное море. Местность у ее устья называлась тогда Страной Ванов, или Жилищем Ванов. Эта река разделяет трети света. Та, что к востоку, называется Азией, а та, что к западу, — Европой» [15].

Итак, исходя из упомянутых выше фактов, представляется возможным сделать вывод о том, что вергельд (вира) как форма наказания существовала и в скандинавском обычном праве. Вместе с этим, проблемным является вопрос системности скандинавского права. Присутствие в нормах германского архаичного права элементов римского законодательства объясняется тесными связями Рима и сопредельных центральноевропейских племён и салических франков – вместе с этим, осмелимся предположить, что народы, населявшие Скандинавию в VIII – XI вв. либо не были знакомы с римской правовой системой вовсе, либо имели общие представления о ней. Данный тезис подтверждается исследованиями датского археолога Оле Клиндт-Йенсена, который отмечает, что найденные в Прибалтике

⁷ Танаквисль или Ванаквисль является, по мнению А. Я. Гуревича, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкой и М. И. Стеблина-Каменского скандинавским переосмыслением названия реки Дон.

римские монеты датируются I-II вв. н.э. и V в. н.э. Как замечает датский историк, имеет место перерыв в несколько столетий, который ограничен, с одной стороны, периодом наибольшего территориального расширения Римской империи, а с другой стороны, Великим переселением народов [16]. Единомышленники А.И. Каплунов, В.В. Балахонский и П.А. Мухаметов полагают очевидным тот факт, что торговые отношения скандинавов и римлян носили непостоянный характер [17]. Именно отсутствие постоянных торговых отношений прибалтийских северных народов с Римом определяет, на наш взгляд, самобытность и обособленность как современных правовых систем Швеции, Норвегии и Дании, так и исторических форм государства и права в регионах северной Европы.

Общая проблематика исследования права викингов состоит в невозможности достоверного определения правовых конструкций, характерных для скандинавского права VIII-XI вв. Основываясь на предписаниях Салической правды, с определённой степенью уверенности можно утверждать о наличии в обычном праве скандинавов таких правовых явлений как вергельд (вира), ответственность за телесный контакт с замужней женщиной (как за половой контакт, так и за любое другое взаимодействие, выходящее за рамки обычая), порядок расследования убийства и сбора доказательств и других конструкций, свойственных для германского архаичного права.

Отдельные элементы обычного права скандинавских народов можно усмотреть в «Деяниях данов» Саксона Грамматика и «Круге земном» Снорри Стурлусона. Историко-правовой интерес представляют несколько речей бондов-законоговорителей, представленных в описываемых письменных источниках. В «Саге о Хаконе Добром», записанной Снорри Стурлусоном, фигурирует речь некоего бонда Асбьёрна из Медальхуса на тинге, в которой законоговоритель обращается к вековым правам свободных людей: «Если же ты будешь настаивать на своем предложении с таким упорством, что применишь против нас силу, то тогда мы, бонды, решили все расстаться с тобой и взять себе другого правителя, такого, который позволит нам свободно держаться той веры, какой мы хотим. Выбирай, конунг, между этими двумя возможностями до того, как кончится тинг. Когда эта речь была кончена, бонды шумно выразили свое одобрение, заявляя, что будет так, как сказал Асбьёрн».

В другой речи, которая имеет место в «Саге об Олаве Святом», описывающей события XI в., выступая на альтинге, старый бонд Торгнюр таким же образом обращается к обычаям и опыту прошлого, угрожая конунгу физической расправой в случае отказа выполнить требования говорящих на народном собрании: «Если ты захочешь вернуть те земли в Восточных Странах, которыми раньше владели твои предки и родичи, мы все

пойдем за тобой. А если ты не пожелаешь сделать то, что мы требуем, мы восстанем против тебя и убьем тебя. Мы не хотим терпеть немирие и беззаконие. Так раньше поступали наши предки: они утопили в трясине на Мулатинге пятерых конунгов за то, что те были такими же высокомерными, как ты».

Отдельные элементы древнего скандинавского права усматриваются в содержании ряда рунических камней и отрывочных источниках, таких как языческий закон о правилах ведения поединка, который содержит упоминания обмана, убийства, кражи [18]. Интересными для историко-правового анализа также являются так называемые Законы Гулатинга, записанные в 1274 г. под редакцией короля Магнуса Исправителя Законов – именно этот акт можно считать первым письменным источником скандинавского права, регулирующим общественные отношения, вытекающие из подготовки и проведения народного собрания (тинга). Например, Законы Гулатинга содержат интересную норму о порядке во время проведения собрания – каждый, кто нанесёт другому участнику схода увечья или убьёт говорителя, подлежал позорному изгнанию из страны и уплате вергельда. Если же призванные на тинг являлись на него при оружии, то эти лица также обременялись штрафом и конфискацией вооружения [19]. Стоит отметить, что для Законов Гулатинга характерны нормы, соответствующие периоду формирования скандинавской государственности, которые не могут быть отнесены к нормам обычного права викингов – например, большую часть вергельда, уплачиваемого нарушителем порядка на тинге, подлежала передаче королю, что свидетельствует о возросшей в XIII в. роли власти верховного правителя.

Основываясь на известных письменных источниках, свидетельствующих о порядке и особенностях проведения народных сходов, представляется возможным сделать вывод о том, что даже в XI веке, который хронологически завершает «эпоху викингов», в Швеции и Норвегии всё ещё сохранялись серьёзные пережитки обычного права и военной демократии, свойственной раннефеодальным германским обществам. В этой связи следует отметить, что роль тинга и альтинга в правовой реальности викингов крайне велика – в каждом конкретном разбирательстве речь шла не столько о письменных источниках права (которые не дошли до нашего времени, т.к. для архаичного скандинавского общества VIII-XI вв. формальное закрепление правовых норм не имело определяющего значения в силу господства обычая), сколько о «проверенных временем» методов правового регулирования, обычаях и вековых правах соответствующих категорий населения. Схожей точки зрения придерживается И.Б. Губанов, который справедливо отмечает, что в Скандинавии вплоть до XIII в. тинговое народоправство сохраняло за собой решающую роль и конунги всё ещё не

могли противостоять воле народного схода, даже если она противоречила позиции феодального правителя [20].

Как было отмечено выше, в скандинавском обычном праве имели место феномены изгнания преступника и объявления его «вне закона» – выдворенные нарушители являлись категорией населения, не защищённой правовым обычаем. Многие скандинавы, выдворенные из своей общины, становились скитальцами и скрывались от правосудия, отправляясь в военные походы – одним из таких путешественников стал убийца Эйрик Рыжий, приговорённый тингом к трёхлетнему изгнанию из Исландии за два совершённых им убийства [21]. В дальнейшем он стал известен как первооткрыватель Гренландии, предложивший своим соплеменникам переселяться на обнаруженные им новые земли. Институт объявления «вне закона» в скандинавском дофеодальном обществе был призван поддерживать существовавший правопорядок – эта мера наказания лишала приговорённого права на убежище, судебную защиту. Фактически приговорённый к изгнанию человек, лишённый помощи общины и исключённый из социальной структуры общества, был обречён на неминуемую гибель. А.С. Ошонков отмечает, что дофеодальное скандинавское право подразумевало два вида изгнания: высылка на три года – неполное изгнание и окончательное изгнание, которое представляло собой полное удаление индивида из социума. Оба приговора предполагали изъятие потерпевшей стороной имущества преступника. Общим требованием для всех форм объявления вне закона было полное согласие альтинга [22]. При этом, изгой, отвергнутый общиной, считался потерявшим божественное расположение и назывался «*uheilagr*» (древнесканд. *не священный*). Космологические представления скандинавов о миропорядке отождествляли изгнанников с волками, подчёркивая исключение признанных «вне закона» преступников из мира людей – к изгоям также применялся термин *utlagr* (древнесканд. *вне закона*). Приставка *-ut* подчёркивала неземную сущность изгнанника, как бы лишая его при этом статуса человека как такового [23]. Институты изгнания, объявления преступников «вне закона» являлись важными регуляторами общественных отношений и длительное время вплоть до окончательного разложения родоплеменной общины поддерживали социальную стабильность в скандинавском обществе.

Особняком в обычном праве скандинавов «эпохи викингов» стоят отдельные дошедшие до наших дней нормы, определявшие правовое положение и статус женщин. На протяжении всего раннего средневековья в Скандинавии вклад женщины в домашнее и общественное хозяйство играл значительную роль в производственных отношениях. Л.В. Чёрная отмечает, что женщины ухаживали за скотом, занимались заготовкой припасов на

зиму, сохранением и консервированием продуктов, пряли, ткали, выполняли первичные обязанности по уходу за детьми, уборке и поддержанию домашнего очага. Учитывая серьёзный вклад женщин в хозяйство, они обладали существенными личными и имущественными правами – наследовали наследодателям наряду с мужчинами, сохраняли за собой после вступления в брак право собственности на принадлежащее им имущество (вместе с правомочиями владения, пользования и распоряжения имуществом), а убийство женщины входило наряду с немногими другими нарушениями закона в категорию преступлений, которые не предполагали денежного откупа в виде вергельда, что подчёркивает особый правовой статус скандинавской женщины [24].

Немаловажной особенностью правового статуса женщины в скандинавском обществе «эпохи викингов» можно считать её имущественную обособленность и независимость от мужа. В отличие от римского права, которое определяло власть *pater familias* над домочадцами как власть абсолютную и предусматривало *cum manu* как вид брака с практически неограниченным господством мужа над женой (подобно праву собственности), скандинавское обычное право оставляло за женой возможность сохранения за собой имущества, закланного в приданое при заключении брака. После смерти супруга женщина становилась полноправной хозяйкой этого имущества и распоряжалась им по своему усмотрению [7].

При рассмотрении правового статуса женщины в скандинавском обществе рассматриваемого исторического периода возникает некоторая коллизия, которая заключается в двойственном характере норм, регулировавших положение женщин. С одной стороны, Салическая правда, как было упомянуто выше, формально закрепила женщину как объект преступного посягательства – с замужней особы нельзя было срывать головной убор, приставать к ней, оскорблять и т.д., и это законоположение отчасти сближает римское право и архаичное право германских племён. С другой стороны, обычное право предусматривало широкий спектр имущественных прав, принадлежавших скандинавской женщине, начиная от свободного распоряжения приданым и заканчивая возможностью наследовать отцам и матерям наряду с сыновьями.

Таким образом, представляется возможным сделать ряд выводов о скандинавском обычном праве «эпохи викингов», тенденциях его развития и общих отличительных особенностях. Во-первых, при изучении скандинавского архаичного права возникает ряд существенных проблем, которые не позволяют ознакомиться с источниками права непосредственно. Прежде всего, речь идёт о том, что северогерманские народы в рассматриваемый исторический период не знали письменности, ввиду чего источники права

в подавляющем большинстве были неписаными и не дошли до наших дней. Во-вторых, сущностное наполнение и развитие скандинавского обычного права неразрывно связаны с общими закономерностями исторического развития племён скандинавов – при сохранении самобытности, есть основания полагать, что северные племена рецепировали ряд институтов римского права, при этом оставив нетронутыми собственные правовые конструкции. В-третьих, в силу довольно позднего (по сравнению с остальными европейскими народностями) перехода к государственному строительству, ещё в XIII в. скандинавы сохраняли ряд пережитков обычного права, среди которых оказался институт вергельда и альтинга. В-четвёртых, скандинавское право «эпохи викингов» имело массу схожих до степени смешения черт с правовыми системами прочих родоплеменных обществ. Среди таких определяющих черт – наличие в обычном праве институтов изгнания и объявления вне закона, которые усматриваются не только в Салической правде, но и в Русской правде в виде «отдания на поток и разграбление».

Подводя итоги настоящего исследования, авторы считают важным обратить внимание на то, что в настоящее время исследования скандинавского общества и скандинавистика как таковая требуют комплексного подхода, сочетающего в себе исследовательские приёмы и методы разных сфер знания, включая историческую информатику и историческую географию. В силу недостаточной источниковой базы, раннесредневековый северогерманский социум как исторический феномен, по нашему мнению, может быть всесторонне изучен лишь с использованием дополнительных методов научного познания, способных наиболее полно раскрыть тему «эпохи викингов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сойер П. Эпоха викингов / Питер Сойер; Пер с англ. А.П. Санина — СПб.: Евразия, 2008. — 351 с.
2. Буайе Р. Викинги: История и цивилизация. / Режи Буайе; Пер с франц. М. Ю. Некрасов. — СПб.: Евразия, 2012. — 416 с.
3. Рёсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. — Санкт-Петербург: «Всемирное слово», 2001. — 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/235> (13.09.2023).
4. Губанов И. Б. Культура и общество скандинавов эпохи викингов / И. Б. Губанов — СПб.: Изд-во Санкт-петербургского ун-та, 2004. — 138 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/1320> (13.09.2023).

5. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси / Г.С. Лебедев — СПб.: Евразия, 2005. — 640 с.
6. Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. — 4-е издание / А.Я. Гуревич — Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2020. — 352 с.
7. Будур Н.В. Повседневная жизнь викингов. IX–XI века / Н.В. Будур — Москва: Молодая гвардия, 2007. — 461 с.
8. Сванидзе А.А. Викинги — люди саги: жизнь и нравы / А.А. Сванидзе — Москва: Новое литературное обозрение, 2010. — 800 с.
9. Бойок Д. Исландия эпохи викингов / Д. Бойок; Пер с англ. И. В. Свердлова — М.: Corpus, Астрель, 2012. — 912 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/3624> (13.09.2023).
10. Рассказов, Л.П. Правовые системы Скандинавских стран: общее и особенное / Л.П. Рассказов // Философия права. — 2014. — № 6. — С. 71-75.
11. Дождев, Д.В. Институты Гая. *Gai Institutionum commentarii quattuor* : текст, пер. с лат., коммент. / Д.В. Дождев. — Москва: Статут, 2020. — 386 с.
12. Зубцов, Д.Д. *Ius gentium* и *ius naturale*: соотношение понятий и роль в правоотношениях античности / Д.Д. Зубцов // История. Историки. Источники. — 2023. — № 1.
13. Грацианский, Н.П. Салическая правда / Н.П. Грацианский. — Москва: Образц. тип. им. Жданова, 1950. — 88 с.
14. Погодин, А.Л. Славяне от начала истории / А.Л. Погодин. — Москва: Вече, 2018. — 336 с.
15. Снорри Стурлусон. Круг Земной. / АН СССР; под ред. А. Я. Гуревича, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкой, М. И. Стеблина-Каменского. — Москва: Наука, 1980. — 687 с.
16. Клиндт-Йенсен, О. Дания до викингов / О. Клиндт-Йенсен. — СПб.: Евразия, 2003. — 246 с.
17. Каплунов, А.И. Периодизация становления правовых систем Скандинавии в эпоху Средневековья / А.И. Каплунов, В.В. Балахонский, П.А. Мухаметов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2023. — № 1. — С. 30-36.
18. Андерссон, И. История Швеции / И. Андерссон. — Москва: Издательство иностранной литературы, 1951. — 408 с.
19. Robbestad, Knut Gulatingloven / Knut Robbestad. — Oslo: Norrøne bokverk. Det Norske Samlaget, 1969. — 294 с.

20. Губанов, И.Б. Власть конунга и власть бондов: традиционное общество в Скандинавии X - XII вв. По Снорри Стурлусону и саксону Грамматику и его закат / И.Б. Губанов // Научный вестник Крыма. – 2018. – № 6. – С. 1-31.
21. Возгрин, В.Е. Гренландские норманны / В.Е. Возгрин // Вопросы истории. – 1987. – № 2. – С. 186-187.
22. Ошонков, А.С. "Жил до Седин, не убит и не изгнан": практика "объявления вне закона" и феномен изгнания в норвежском и исландском обществах VIII - XIII вв / А.С. Ошонков // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. – 2014. – № 1. – С. 21-25.
23. Иванов, В.В. Реконструкция европейских языков и текстов, отражающих культ волка / В.В. Иванов // Литература и язык. – 1975. – Т. 34, № 5. – С. 399-408.
24. Чёрная, Л.В. Скандинавская женщина эпохи викингов / Л.В. Чёрная // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – № 288. – С. 41-48.

REFERENCES (transliteration)

1. Sojer P. Epoha vikingov / Piter Sojer; Per s angl. A.P. Sanina — SPb.: Evraziya, 2008. — 351 s.
2. Buaje R. Vikingi: Istoriya i civilizaciya. / Rezhi Buaje; Per s franc. M. Yu. Nekrasov. — SPb.: Evraziya, 2012. — 416 s.
3. Ryosdal' E. Mir vikingov. Vikingi doma i za rubezhom. — Sankt-Peterburg: «Vsemirnoe slovo», 2001. — 272 s. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/235> (13.09.2023).
4. Gubanov I. B. Kul'tura i obshchestvo skandinavov epohi vikingov / I. B. Gubanov — SPb.: Izd-vo Sankt-peterburgskogo un-ta, 2004. — 138 s. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/1320> (13.09.2023).
5. Lebedev G.S. Epoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi / G.S. Lebedev — SPb.: Evraziya, 2005. — 640 s.
6. Gurevich A.Ya. Izbrannye trudy. Drevnie germancy. Vikingi. – 4-e izdanie / A.Ya. Gurevich — Moskva: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2020. – 352 s.
7. Budur N.V. Povsednevnyaya zhizn' vikingov. IX–XI veka / N.V. Budur — Moskva: Molodaya gvardiya, 2007. – 461 s.
8. Svanidze A.A. Vikingi — lyudi sagi: zhizn' i nray / A.A. Svanidze — Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 800 s.

9. Bojok D. Islandiya epohi vikingov / D. Bojok; Per s angl. I. V. Sverdlova — M.: Corpus, Astrel', 2012. —912 s. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ulfdalir.ru/literature/3624> (13.09.2023).
10. Rasskazov, L.P. Pravovye sistemy Skandinavskih stran: obshchee i osobennoe / L.P. Rasskazov // *Filosofiya prava*. – 2014. – № 6. – S. 71-75.
11. Dozhdev, D.V. Institucii Gaya. Gai Institutionum commentarii quattuor : tekst, per. s lat., komment. / D.V. Dozhdev. – Moskva: Statut, 2020. – 386 s.
12. Zubcov, D.D. Ius gentium i ius naturale: sootnoshenie ponyatij i rol' v pravootnosheniyah antichnosti / D.D. Zubcov // *Istoriya. Istoriki. Istochniki*. – 2023. – № 1.
13. Gracianskij, N.P. Salicheskaya pravda / N.P. Gracianskij. – Moskva: Obrazc. tip. im. Zhdanova, 1950. – 88 s.
14. Pogodin, A.L. Slavyane ot nachala istorii / A.L. Pogodin. – Moskva: Veche, 2018. – 336 s.
15. Snorri Sturluson. Krug Zemnoj. / AN SSSR; pod red. A. Ya. Gurevicha, Yu. K. Kuz'menko, O. A. Smirnickoj, M. I. Steblina-Kamenskogo. – Moskva: Nauka, 1980. – 687 s.
16. Klindt-Jensen, O. Daniya do vikingov / O. Klindt-Jensen. – SPb: Evraziya, 2003. – 246 s.
17. Kaplunov, A.I. Periodizaciya stanovleniya pravovyh sistem Skandinavii v epohu Srednevekov'ya / A.I. Kaplunov, V.V. Balahonskij, P.A. Muhametov // *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2023. – № 1. – S. 30-36.
18. Andersson, I. Istoriya Shvecii / I. Andersson. – Moskva: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1951. – 408 s.
19. Robbestad, Knut Gulatingloven / Knut Robbestad. – Oslo: Norrøne bokverk. Det Norske Samlaget, 1969. – 294 s.
20. Gubanov, I.B. Vlast' konunga i vlast' bondov: tradicionnoe obshchestvo v Skandinavii x - XII vv. Po Snorri sturlusonu i saksonu grammatiku i ego zakat / I.B. Gubanov // *Nauchnyj vestnik Kryma*. – 2018. – № 6. – S. 1-31.
21. Vozgrin, V.E. Grenlandskie normanny / V.E. Vozgrin // *Voprosy istorii*. – 1987. – № 2. – S. 186-187.
22. Oshonkov, A.S. "Zhil do Sedin, ne ubit i ne izgnan": praktika "ob"yavleniya vne zakona" i fenomen izgnaniya v norvezhskom i islandskom obshchestvah VIII - XIII vv / A.S. Oshonkov // *Vestnik nauchnoj asociacii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Studis historica juvenum*. – 2014. – № 1. – S. 21-25.

23. Ivanov, V.V. Rekonstrukciya evropejskih yazykov i tekstov, otrazhayushchih kul't volka / V.V. Ivanov // Literatura i yazyk. – 1975. – Т. 34, № 5. – S. 399-408.

24. Chyornaya, L.V. Skandinavskaya zhenshchina epohi vikingov / L.V. Chyornaya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2005. – № 288. – S. 41-48.

Рецензент: Хлевов Александр Алексеевич – канд. ист. наук, доктор филос. наук, профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет».